

УДК 93/94

DOI: 10.17223/2312461X/27/9

ВЛАДИМИР ОХРИМОВИЧ И ЕГО ПУТЬ В СИБИРЬ

Дмитрий Станиславович Парфирьев

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод на русский язык статьи украинского политика и ученого Владимира Охримовича «Приангарский край и его жители: тунгусы и чолдоны» (1920). В ней автор, в 1915–1917 годах отбывавший в Восточной Сибири административную ссылку, описывает окружавшие его флору и фауну, а также хозяйство, быт и традиции эвенков («тунгусов») и потомков русских первопоселенцев («чалдонов»).

В предисловии переводчика к статье описаны путь автора статьи в Сибирь и обстоятельства его пребывания там. Даны комментарии относительно особенностей языка Охримовича и деталей перевода.

Ключевые слова: народы Сибири, эвенки, чалдоны, воспоминания

Украинский адвокат и политик Владимир Охримович (1870–1931) отметился изысканиями в области статистики, лингвистики, а также этнографии. В 1888 г., окончив гимназию, он поступил на философский факультет Львовского университета, а в следующем году перевелся на факультет права того же университета. Еще в 1890 г., будучи студентом, Охримович опубликовал в газете «Народ» статьи «О родовой общности в Скольских горах» и «Женская участь в Скольских горах». В 1891 г. петербургское «Этнографическое обозрение» напечатало присланную Охримовичем статью «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи». Большое количество собранных им этнографических материалов Охримович передал польскому антропологу И. Коперницкому, после смерти которого в сентябре 1891 г. эти данные были утрачены (Д-р Володимир Охримович... 1931).

По окончании университета В. Охримович занимался адвокатской деятельностью. В 1897 г. ему была присвоена степень доктора права. С тех пор к этнографическим штудиям ученый уже не возвращался – вслед за адвокатурой его увлекла политика. В конце 1899 г. он стал одним из основателей Украинской национально-демократической партии (УНДП), затем дважды возглавлял редакцию самой популярной украинской газеты Австро-Венгрии «Дило», а в 1907 г. был избран депутатом австрийского парламента (Д-р Володимир Охримович... 1931).

Первую мировую войну Охримович встретил во Львове. В августе 1914 г., в преддверии взятия города русскими войсками, он решил не уезжать в Вену, подобно большинству украинских политиков, а остаться и адаптироваться к новой обстановке. Вместе с немногочисленными

коллегами он пытался сохранить возможность издавать во Львове украинскую прессу, но успехом эти попытки не увенчались. Напротив, Охримович попал в поле зрения русской оккупационной администрации как «неблагонадежное» лицо. В январе 1915 г. русские власти стали высылать «неблагонадежных» галичан вглубь Российской империи: сначала в Томскую губернию, затем в Симбирскую и Пермскую и, наконец, в Енисейскую. Охримовича арестовали в ночь на 18 февраля 1915 г. Три месяца он содержался в тюрьмах Львова, а в конце мая в составе группы арестованных украинских деятелей был конвоирован в галицийский городок Броды. По словам ученого, уже тогда арестанты пришли к выводу, что их везут в Сибирь (Охримович 1919: 73). Как вспоминала поэтесса Константина Малицкая, ровесница Охримовича, оказавшаяся в этой же партии ссыльных, от упоминания о Сибири у них с товарищами «на душе похолодело»: представления галичан об этой части России основывались на польской литературе, в которой Сибирь описывалась как «бескрайняя снежная тундра, непролазная тайга и закованные в кандалы люди в рудниках» (Малицька 2011: 391).

Путь Охримовича и других галицийских украинцев в Сибирь занял 18 дней: 4 июня заключенные поездом прибыли в Киев и к 15 июня добрались до Красноярска с пересадками в Москве, Екатеринбурге и Омске. 28 июня на пароходе «Святой Николай» заключенные покинули Красноярск и через три дня достигли Енисейска, откуда 2 июля 1915 г. в сопровождении двух полицейских направились к устью реки Ангары. Оттуда им предстояло добраться до конечного пункта пути, села Богучаны (Охримович 1919: 74–82). Единственным способом попасть в Богучаны была сама Ангара. Поскольку лодки со ссыльными плыли против течения, в дополнение к мужчинам-гребцам их тянули вдоль берега женщины-крестьянки, «запряженные» веревками. «Эта наша езда на лодках, запряженных женщинами и девушками, – вспоминал Охримович, – производила на нас очень странное впечатление: у нас было укоренившееся мнение, что это высшая почесть, которую воздают самым достойным и заслуженным героям, когда их везут люди, запряженные вместо лошадей, а между тем на Ангаре запрягают людей (и обычно женщин) в лодку, чтоб везти в ссылку отторгнутых от общества “преступников” и “шпионов”!» (Охримович 1919: 86).

13 июня пополудни ссыльные галичане прибыли в Богучаны. Всех их распределили по разным деревням Пинчугской волости. Местом ссылки В. Охримовича была определена деревня Гольтявино неподалеку от Богучан, в ней насчитывалось 40 домов. Ученый остановился в избе Дмитрия Колпакова, одного из местных «чалдонов», потомков первых русских поселенцев в этих краях. В письме украинскому деятелю из США Алексею Пристаю Охримович пояснял, что живет на «краю света»: «До ближайшей станции железной дороги у меня

700 верст, до ближайшего городка 400 верст, до ближайшей почты 60 верст. Но хуже всего то, что единственный способ коммуникации – это река, по которой летом плавают на лодках (на протяжении 3 месяцев), а зимой (на протяжении 5 месяцев) ездят на санках. Весной, когда река растаивает, и осенью, когда река замерзает <...>, мы здесь полностью отрезаны от мира и тогда не получаем два месяца никакой почты» (Світлій памяти... 1931: 3). Удручало политика и то, что в селе не было ни школы, ни церкви, ни магазина, ни корчмы, почта приходила два раза в месяц, а газеты поступали с месячной задержкой. Покидать Гольтьявино Охримовичу было запрещено. Ему также возбранялось иметь оружие, принимать участие в собраниях и сходках, читать лекции и доклады, учить крестьянских детей. За нарушение грозили арест и временное заключение (Охримович 1919: 88–91).

Поскольку выезжать из Гольтьявина Охримович не мог, а другие этапированные вместе с ним украинцы жили в десятках и сотнях верст от него, взаимодействие политика с земляками ограничивалось перепиской. Первое время политик компенсировал нехватку общения чтением: «Я, слава Богу, здоров, не мерзну, не голодаю, и не скучно мне, потому что есть что читать», – писал он брату 4 декабря 1915 г. (ЦДІАУЛ: Арк. 7зв). Но с течением времени Охримовичу становилось все труднее переносить одиночество. «В том селе, где я сейчас живу, кроме меня нет больше ни одного австрийского подданного, ни кого-либо из российских украинцев, ни людей с высшим или хотя бы средним образованием, – жаловался он А. Пристаю в письме от 21 декабря 1916 года. – Зная все это, ты сможешь оценить мое одиночество и потерянность» (Світлій памяти... 1931: 3). В послании супруге от 14 февраля 1917 г. ученый признавался: «Я пока что еще как-то держусь и не поддаюсь беде, надеюсь, что выдержу до конца, хотя на скорое возвращение не надеюсь» (ЦДІАУЛ: Арк. 9). Мрачное предчувствие не оправдалось: после Февральской революции новые российские власти разрешили Охримовичу свободно перемещаться по всей Сибири. 4 июля 1917 года, прибыв в Красноярск, он писал жене: «Проехав 500 верст на лодке и 300 верст на пароходе после 3-хнедельного путешествия приехал я в губернский город Красноярск, где проживу 2 недели. У меня уже есть право жить свободно во всей Сибири, и я надеюсь получить разрешение на возвращение в Австрию или хотя бы на Украину» (ЦДІАУЛ: Арк. 10зв).

Вернувшись на малую родину, Охримович, в прошлом сторонник левых идей и антиклерикал, стал ревностным католиком и даже издал на эту тему брошюру «Почему я обратился к христианской вере?». Запдноукраинский политик К. Трилевский предполагал, что пребывание в Сибири пошатнуло психическое здоровье его коллеги (Трильовський 1999: 114). Зять Охримовича впоследствии также признавал, что «под влиянием одиночества во время пребывания на Ангаре» тот «ударился

в религиозный мистицизм» (Маланчук 1972: 102–103). Несмотря на кардинальные перемены в мировоззрении, В. Охримович не стал затворником и продолжил заниматься политикой и журналистикой, но до самой смерти в 1931 г. никуда не выезжал из Львова.

Свои впечатления от пребывания в Сибири ученый изложил в двух статьях. Первая из них, «Из Львова на Ангару», была напечатана в 1919 г. в ежегодном календаре общества «Просвита»; вторая под названием «Приангарский край и его жители: тунгусы и чолдоны» появилась в 1920 г. на страницах литературного сборника «На вавилонских реках». Если в первой статье Охримович описывает путь украинских ссыльных из Львова на место ссылки, то во второй излагает свои наблюдения о жизни эвенков и сибирских крестьян-чалдонов. Если насчет эвенков автор признает, что лично общался с ними только трижды, то с чалдонами, среди которых он жил, ему приходилось контактировать куда плотнее. Неудивительно, что их обычаям и быту в статье уделяется гораздо более пристальное внимание.

Как в описании флоры и фауны тех мест, где ему пришлось отбывать ссылку, так и в описании людей Охримович нередко проводит параллели с галицийскими явлениями и предметами: так, чалдонский зипун он сравнивает с украинским сиряком, тунгусские стеклянные бусы – с гуцульскими герданами, а в песенках чалдонов обнаруживает сходство с «коломыйками». Привыкший к тому, что на его малой родине словом «край» обычно называется вся Галиция, Охримович с некоторой наивностью поясняет читателю, что в Сибири не край делится на уезды, как в Галиции, а наоборот, в одном уезде (Енисейский) может быть несколько огромных краев (например, Приангарский).

Хотя до нас дошло сравнительно мало релевантных свидетельств о быте эвенков в 1910-х гг. (Василевич 1969: 30–31) и статья В. Охримовича могла бы дополнить имеющуюся картину, специалисты по этнографии народов Сибири обходят ее вниманием. Так, Г.М. Василевич, автору первой большой обобщающей работы об эвенках, вышедшей в 1969 г., работы Охримовича не были знакомы. Беглый пересказ содержания его «сибирских» статей дала В. Маланчук в небольшой книжке «Этнографическая деятельность В.Ю. Охримовича», опубликованной в 1972 г. (Маланчук 1972). В 1973 г. рецензия на работу Маланчук появилась в крупнейшем профильном журнале «Советская этнография» (Гольберг 1973), но и это не привлекло к изысканиям Охримовича внимания ученых, занимающихся эвенками (Сирина 2012). Надеемся, что данная публикация будет познавательна как для специалистов, так и для всех интересующихся историей и этнографией народов Сибири.

Охримович пишет с прописной буквы названия этнических групп («Чолдоны», «Москали», «Тунгусы») и иногда производные от них

прилагательные. В соответствии с принятой в русском языке нормой мы приводим эти слова со строчной буквы.

Цитируя некоторые русские слова («хозяин», «общественный», «тайга»), Охримович передает их в украинской транскрипции: «хазяїн», «абщественний», «тайга». Эти слова мы приводим в том виде, в котором они пишутся по-русски. Все ударения, поставленные автором в цитируемых словах, нами сохранены, тем более что порой они не соответствуют современным нормам (не «пóгреб», а «погрéб», не «сíteц», а «ситéц» и т.д.).

Авторская пунктуация по возможности сохранена, исключения сделаны для очевидных противоречий нормам русского языка (например, отсутствие запятой при причастном обороте).

Приангарский край и его жители: тунгусы и чолдоны¹

Во время великой мировой войны – а именно в июле 1915 г[ода] – москали вывели меня в Сибирь и выслали в Енисейскую губернию, в Енисейский уезд², в так называемый Приангарский край, где я прожил два года – с июля 1915 года по июнь 1917 г[ода] – в селе Гольтявино, Пинчугской волости, а последние два месяца в селе Чадобец той же волости.

Приангарский край, отстоящий примерно на 300 километров на север от главной сибирской железной дороги, лежит по обе стороны реки Ангара, притока Енисея, в ее нижнем течении и тянется с востока на запад на пространстве примерно 600 километров в длину и более 200 километров в ширину. Хотя Приангарский край образует лишь небольшую часть гигантского Енисейского уезда, он охватывает пространство значительно большее, чем вся Галиция; у нас край³ делится на уезды, там уезд охватывает много больших краев.

Река Ангара (называется также Верхней Тунгуской) берет начало в горах, расположенных на Байкальском озере, через которое она протекает, течет через г[ород] Иркутск, столицу Иркутской губернии, и затем дальше через эту губернию в северном направлении; на границе Иркутской и Енисейской губернии она круто поворачивает на запад и течет дальше через Енисейскую губернию в западном направлении и, наконец, впадает в главную реку Енисей чуть выше города Енисейска.

¹ Охримович В. Приангарський Край і його мешканці: Тунгузи й Чолдони // На ріках вавилонських... Літературний Збірник. Львів, 1920. С. 59–69.

² Здесь и далее в оригинале – «повіт» («повет»), аналог уезда в украинском и польском («powiat») языках.

³ «Край» используется как нарицательное обозначение Галиции.

По обе стороны в Анггару впадает много притоков⁴, из которых крупнейший – Чуна (левый).

Река Анггара в нижнем своем течении, там, где я был в ссылке, имеет ширину от трех до четырех километров, а местами еще шире. (Когда я из Сибири приехал в Киев, Днепр по сравнению с Анггарой казался мне маленькой речкой.) Несмотря на большую ширину, глубина реки тоже немалая, одним словом, река многоводная. Берега Анггары высоки, скалисты, живописны, да и на самой реке часто встречаются скалы, острова и пороги. По обе стороны реки окрестности по большей части дикие и лесистые; хотя все тамошние поселения (села и деревни) лежат только выше реки, но достаточно редко они встречаются и на реке, да и то с очень неравномерными интервалами: село от села отдалено иногда на несколько, иногда на десять с лишним, а иногда и на несколько десятков километров. За исключением этих редких поселений весь Приангарский край, такой длинный и широкий, покрыт бескрайним непролазным лесом, преимущественно еловым и березовым; этот лес называется по-тамошнему «тайга».

В Приангарском крае нет ни повозок, ни наезженных дорог, а единственным средством коммуникации является река. Осенью, в октябре месяце, она замерзает и покрывается толстым льдом, по которому люди всю зиму ездят на лошадях и санях; весной в мае месяце река оттаивает, и все лето люди плавают по ней на больших и меньших лодках⁵ и на плотах⁶ («плотах»). Весной, пока река оттаивает и очищается ото льда, наступает двухмесячный перерыв любой коммуникации, т[ак] н[азываемая] «распутица»; такая же «распутица» наступает и осенью, до тех пор, пока река уже не покроется толстым льдом. Во время весенней и осенней «распутицы» невозможно перебраться даже в ближайшее село, потому что, как было сказано, наезженных дорог совсем нет; тогда надо целых два месяца терпеливо ждать почты, писем и газет.

Очень красивым бывает вид Анггары, когда она оттаивает, а именно когда река приходит в движение; тогда белые льдины движутся по руслу реки, словно гигантская отара гигантских белых овец идет по дороге. А уже там, где русло реки сужается между высокими берегами, вид бывает просто душераздирающий; в результате безмерного напора большие льдины, словно каменные дома толщиной в несколько сажений и шириной в несколько сажений, выскакивают из реки на берег на высоту в десять с лишним сажений; какой тогда бывает грохот и шум, невозможно описать.

⁴ В оригинале – «допливів (приток)». Зачастую в тексте Охримович приводит в скобках местные названия тех или иных объектов. Там, где перевод украинского слова и приведенное в скобках название будут совпадать, мы будем приводить украинское обозначение.

⁵ В оригинале – «човнах («лодках»)).

⁶ В оригинале – «сплавах («плотах»)).

Дно Ангары каменистое, а вода в ней прозрачная и чистая, так что тамошние люди зимой и летом пьют воду из реки; родников и колодцев я там не видел.

В Ангаре и ее притоках очень много всякой рыбы: и большой, и маленькой, и белой, и красной. К белой рыбе причисляются все виды рыб с костями и белым мясом, как «щука», «таймень», «налим» (разновидность мнюхов⁷), «хърюз» (разновидность форели) и т[ак] д[алее]; к красной рыбе относятся виды рыб, у которых красное мясо и нет костей, как «стерлядь» (чечуга), «кастеря», «чълбыш» или «осетер»⁸ (осетр) и т[ак] д[алее]. Любой может ловить рыбу где хочет и как хочет безо всякого ограничения.

В бескрайних, вековых лесах, простирающихся на сотни километров вдоль и вширь по обе стороны Ангары, растут разные деревья, и основную массу леса составляют «ель»⁹, и «береза»¹⁰, уже не так густо растут сосна, «пихта»¹¹ и «лиственница»¹². Зато там совсем нет ни дубов, ни буков, ни плодовых деревьев¹³, ни лещины. Нет там и мохнатой ивы, но есть лозина («тальник»). Среди деревьев растут в «тайге» разные кусты и разные травы; есть там и разнообразные ягоды, как черемуха¹⁴, земляника¹⁵, брусника¹⁶, смородина¹⁷, малина¹⁸, ежевика¹⁹, «клюква», черные ягоды («черница» и «голубица»), «костяница» и другие; наконец, растут там разные виды грибов, преимущественно такие же, как у нас.

Лишь незначительные по размеру части этих бескрайних лесов заняты в собственности государства как т[ак] н[азываемые] «лесные дачи»; за этим исключением все эти бескрайние леса никому не принадлежат; каждый может там рубить и корчевать лес, а кто отторгнет от «тайги» кусок земли, превратив его в пашню, тот становится его собственником. Древесина не имеет совсем никакой ценности, и во всем Приангарском крае нет ни одной лесопилки, не то что паровой, а даже водяной. В Приангарском крае любой может охотиться на разных зверей и разных птиц безо всякого ограничения. А охотиться есть на кого, пото-

⁷ Устаревшее название налима.

⁸ В оригинале – «асетьор».

⁹ В оригинале – «ель себто смерека» («себто» – укр. «то есть»).

¹⁰ В оригинале – «берйóза себто береза».

¹¹ В оригинале – «пíхта себто ялиця».

¹² В оригинале – «лiствeнiца себто модерев».

¹³ В оригинале – «овочевих дерев (садовини)».

¹⁴ В оригинале – «черемха («черйóмуха»)».

¹⁵ В оригинале – «суниця («зeмляни́ца»)».

¹⁶ В оригинале – «камянка («бру́сница»)».

¹⁷ В оригинале – «вeпpина («смopoди́на»)».

¹⁸ В оригинале – «малина («мaли́на»)».

¹⁹ В оригинале – «ужина («eжeви́ка»)».

му что в «тайгах» живут лоси («сохатые»²⁰), очень большие животные с рогами как лопаты, и олени²¹, значительно меньшие, чем лоси, с красивыми ветвистыми рогами; тех и других добывают²² тамошние обитатели ради их вкусного мяса, крепкой шкуры и красивых рогов; еще в «тайге» живут черные и бурые медведи, желтые, черные и синие лисы, драгоценные соболы и горностаи, белые зайцы («ушканы») и многочисленные белки²³. Еще там много всевозможных птиц; в «тайге» живут среди прочих глухари²⁴ («глѹхари»), тетери («польники»), рябчики²⁵, на скалах гнездятся орлы, соколы, совы, а на реках и болотах выводятся стада диких лебедей, диких гусей и уток и более мелкой птицы. Однако я не видел там ни ласточек, ни аистов.

Климат Приангарского края чисто континентальный. Зима длинная и лютая, но зато ясная и тихая. Морозы достигают 60 градусов по Цельсию ниже нуля. Зимой никогда не бывает оттепели. Из-за того, что зима сухая, ясная, солнечная и тихая, люди и животные легко выдерживают даже самые сильные морозы. Снега выпадает немного, но, поскольку на протяжении зимы он никогда не тает, слой снега достаточно глубок.

Весна начинается очень поздно (в середине мая) и продолжается очень недолго, едва три-четыре недели, но зато она на удивление красива; растительность развивается очень быстро; так и видно, как трава растет!

Лето очень жаркое и очень неприятное, потому что противно досаждают разные насекомые: в хате клопы²⁶ и тараканы²⁷, а на дворе днем москиты (т[ак] н[азываемая] «мошка»), а ночью комары. Кроме того, во время летней засухи горят леса на огромных пространствах, так что от дыма солнца не видно, или, даже если солнце и видно, кажется, будто это красный кружок без какого-либо света.

Осенью нет грязи, потому что осень сухая, и земля уже с осени замерзает; еще до того, как начнет падать снег, земля от морозов трескается и покрывается узкими, но глубокими расселинами.

В бескрайних, вековых лесах «тайги», простирающихся на сотни километров вширь и вдоль на север от реки Ангары, живут тунгусы, коренные жители или автохтоны Приангарского края.

²⁰ В оригинале – «сахатіе» себто росохаті звірі».

²¹ В оригинале – «феніфери («олєні» себто олєні)».

²² В оригинале – «добувають («добивают»)».

²³ В оригинале – «білиці («бєлкі»)».

²⁴ В оригинале – «гутурі».

²⁵ В оригинале – «орябки (рябчики)».

²⁶ В оригинале – «блощиці («клопи»)».

²⁷ В оригинале – «таргани («таракани»)».

Это дикий, нецивилизованный народ монгольской расы. Все они низкорослые, мелкокостные, темнокожие, черноволосые; как у мужчин, так и у женщин волосы черные, гладкие, длинные, заплетенные в одну косу; лицо широкое, глаза черные, маленькие и косые. У мужчин растительность на лице очень слабая, и по большей части мужчины не имеют ни бороды, ни усов.

Тунгусы не имеют ни хат, ни постоянных поселений, только живут в лесах, кочуя и скитаясь с места на место. Каждая семья живет обособленно и каждая имеет свою отдельную «юрту», то есть свой шатер из шкур; в юрте они ночуют и держат свое имущество. Под юртой, то есть на середине площади, накрытой шатром, тунгуски жгут беспрестанный огонь для защиты от холода и для варения пищи; дым выходит через дыру в шатре.

Каждая семья держит свое стадо оленей²⁸, состоящее из нескольких десятков, а то и нескольких сотен штук. Олень – это необычайно полезное животное. Тунгусы имеют от оленей молоко, мясо, шкуру, возят на оленях свое имущество, и им не приходится их ничем кормить, потому что олени сами питаются лесным мхом и побегами, как зимой, так и летом. Прирученные олени ничем не отличаются от диких, разве что только тем, что идут на голос своих хозяев и не убегают от людей. Кроме оленей тунгусы держат собак для охоты; у тунгусских собак длинная белая шерсть и стоячие уши.

Главное занятие тунгусов – это рыболовство и охота. Они охотятся на диких животных и птиц, стреляя в них из ружей и из луков. Из шкур лосей и оленей они делают себе одежду, обувь, коробки и юрты; шкуры других зверей, таких как медведи, лисы, соболя, горностаи и белки, они по большей части отдают заезжим купцам или соседним крестьянам в обмен на муку, на полотно, на иголки и нитки, на пуговицы и бусы, на порох и пули, на ножи и ружья, на табак и водку и на другой товар.

Исподняя и верхняя одежда одинакова и у мужчин, и у женщин; она состоит из высоких сапог без каблуков и подошв; сапоги эти (т[ак] н[азываемые] «унты») в высоту доходят чуть выше колен; верхняя часть тела облачается в сорочку, фартук и кожух; сапоги и кожух сшиты из оленьей или лосиной шкуры, вывернутой шерстью наружу; из такой же шкуры сделана и шапка. Сапоги, фартук и шапка украшены орнаментами из разноцветных стеклянных бус²⁹, наподобие гуцульских герданов³⁰.

Семьи тунгусов преимущественно моногамны: муж имеет одну жену и жена, разумеется, имеет одного мужа; только очень богатые тунгусы имеют в порядке исключения двух или трех жен.

²⁸ В оригинале – «ренів (реніферів)».

²⁹ В оригинале – «пацьорок (бусів, бисерів)».

³⁰ Гердан – шейное украшение из бисера в виде ленты из нанизанных на нитяную или волосную основу бусин. Характерно для Западной Украины, особенно для Восточной Галиции.

Тунгус обычно женится таким способом: покупает себе жену, а в качестве платы дает за нее тестю какое-то количество оленей или какое-то количество шкур; только в исключительных случаях тунгус добывает себе жену путем кражи или путем обмена на родную сестру.

У тунгусов есть свой родной язык, совсем непонятный русакам-русским (москалям); только купцы, постоянно торгующие с тунгусами, понимают и немного говорят по-тунгусски. Тунгусы тоже поголовно не понимают русского (московского) языка, и лишь некоторые старые, бывалые тунгусы знают немного по-русски.

Христианство среди тунгусов очень мало распространено; среди них совсем немного крещеных, но и крещеные так же, как и некрещеные, придерживаются своей языческой веры. Они верят в разные идолы и амулеты, в разное колдовство и ворожбу; единицы, которые лучше всего умеют ворожить и колдовать, называются «шаманами»; «шаманы» — это предсказатели и колдуны, имеющие большое значение у тунгусов, и даже многие сибирские крестьяне верят в «шаманов» и боятся их.

Тунгусы не имеют ни кладбищ, ни могил, ни гробов и не хоронят умерших в земле. Похороны у них проходят очень странно. Когда кто-то из них умирает, свояки делают ему высоко на дереве лежанку из веток, кладут на нее тело покойного, облаченное в его самую лучшую одежду, кладут рядом с ним его оружие и немного еды и так оставляют покойного на веки вечные на растерзание небесным птицам, а сами со всем лагерем как можно скорее переходят на другое место.

Вплоть до великой русской революции (то есть до 1917 года) тунгусы платили в «казну» дань шкурами, т[ак] н[азываемый] «ясак»; эту дань собирали вожди тунгусских родов (кланов) и отвозили в ближайшее «казначейство». За это тунгусы были освобождены от любых других налогов и повинностей, в том числе были свободны и от военной службы.

Что касается характера, то тунгусы спокойны, приветливы, добродушны и даже легковерны; их сильно используют проезжие купцы и всякие прохиндеи, главным образом с помощью водки. Водка и сифилис сильно повлияли на то, что тунгусское население стало гораздо менее многочисленным, чем было когда-то.

Когда-то кочевья тунгусов доходили до самой реки Ангары; теперь они отдалены от нее плюс-минус на 100–200 километров к северу. Поэтому-то на самой реке Ангаре очень редко приходится видеть тунгусов, но чаще появляются они в селах, расположенных в стороне от Ангары, на ее притоках, как например, в Яркине и Юр[о]кте на р[еке] Чадобец или в Бедобе на р[еке] Бедоба.

Мне самому доводилось трижды встречаться с тунгусами. В селе Гольтявино, где я был в ссылке, я познакомился с одним тунгусским начальником, который ехал вместе с одним купцом и по пути ночевал в

Гольтявине; он говорил немного по-русски, так что я мог с ним поговорить. По пути из села Гольтявино в с[ело] Чадобец я встречал однажды целую тунгусскую семью, а в самом Чадобце я познакомился с одним цивилизованным тунгусом, который совсем хорошо говорил по-русски. Его фамилия была Августовский, потому что так звали одного ссыльного поляка, который взял к себе этого тунгуса маленьким мальчиком и воспитал его у себя.

Моим товарищам по несчастью, которые жили чуть дальше от Ангара, чаще доводилось контактировать с тунгусами.

Во всем Приангарском крае нет ни одного города или местечка, а только одни села, большие или меньшие; большие так и называются селами³¹, меньшие называются «деревнями». Все села – как было сказано – лежат исключительно на воде, то есть на Ангаре или ее наибольших притоках: Чадобце, Муре, Карабуле, Бедобе, Чуне, Тасееве. Весь Приангарский край Енисейской губернии делится на три волости: Рыбинскую, Пинчугскую и Кежемскую, а каждая волость охватывает по десять с лишним, а то и больше, сел и деревень. У каждой волости есть свой отдельный волостной старшина и волостная управа, избираемая представителями сел и деревень, относящихся к этой волости.

Волостная управа управляет в центре волости; таким центром для Рыбинской волости является село Рыбное, для Кежемской волости село Кежма, а для Пинчугской волости центром когда-то было село Пинчуга, а теперь село Богучаны. К Пинчугской волости кроме этих двух относятся еще такие села: Иртенеево, Каменка, Ярки, Заимка, Гольтявино, Пашутино, Климина, Залегеева, Чадобец, Бедоба, Карабула, Федина, Юрокта, Яркина и много менее крупных деревень.

Только в крупнейших селах население достигает тысячи душ; обычно в селах насчитывается по несколько сотен жителей, а в некоторых маленьких деревнях лишь по несколько десятков.

Жители этих сел и деревень – приангарские крестьяне, которых посторонние люди называют «чолдонами», а они себя самих называют по «словию» «крестьянами», по вере «православными», а по языку «русаками», потому что они говорят на сибирском диалекте великорусского (московского) языка. Это потомки³² великорусских переселенцев (колонистов) из европейской России с примесью тунгусской крови, а также с мелкой примесью разных рас и типов, которые населяют европейскую Россию и которые тут сошлись вместе среди ссыльных. И правда, среди «чолдонов» можно видеть очень неодинаковые типы разного роста, разного цвета во-

³¹ В оригинале – «села (сьо́ла)».

³² В оригинале – «нащадки (потомки)».

лос и глаз и с разными чертами лица. Красивых лиц среди них немного, в особенности очень мало красивых женщин.

Мужчины («мужики») стригут волосы на голове достаточно коротко, а подбородки у них по большей части полностью заросшие; однако много и таких, которые бреют бороду; усы немного подстригают. Все женщины, не только девушки («девки»), но и замужние («бабы»), как молодые, так и старые («молодухи» и «старухи»), носят длинные волосы и заплетают их в косы.

Мужчины одеваются («оболокаются») в широкую, короткую, цветную (синюю, красную, желтую или черную) рубашку³³ из ситца³⁴ или другого фабричного материала, и в штаны («шаровары») из домашнего полотна («холст») или из домашнего сукна или из плюша («плис»). Женщины после рубашки и штанов надевают цветную юбку³⁵ и цветную блузку европейского кроя.

На ноги надевают как женщины, так и мужчины длинные чулки³⁶ и кожаные постолы, которые сами себе делают («чирки»). Вместо поршней мужчины иногда надевают «бродни» (разновидность сапог без задников и подошв с привязанными голенищами («голяшки»)), а по праздникам сапоги; женщины по праздникам надевают покупные башмаки («ботинки») европейского кроя; зимой в очень сильные морозы как мужчины, так и женщины надевают на ноги войлочные башмаки («в'аленки» или «п'имы»).

Голову летом накрывают «сёткой»³⁷, сплетенной из конского волоса, пришитого к треугольному куску цветного перкаля, таким образом, что лицо закрыто сеткой, а верх и зад закрыты перкалем. Эту сетку носят летом на голове не только женщины, но и мужчины для защиты от москитов и комаров. У женщин эта сетка украшена орнаментом, вышитым на перкале. Зимой мужчины накрывают голову шапкой с отрезками, спадающими на уши и на затылок, а женщины платком («платок» или «шаль»).

В качестве верхней одежды летом носят сирак³⁸ («зипун») из домашнего сукна, однако женщины одевают по праздникам «пальто» или «сак» европейского кроя из фабричного сукна. Зимой одеваются в кожу («полушубок») из овечьей шкуры шерстью вовнутрь, а в сильные морозы берут поверх этого кожуха еще один кожих, длиной до самой земли, сшитый из собачьей шкуры шерстью наружу («даха»).

³³ В оригинале – «сорочку («рубашка»)).

³⁴ В оригинале – «перкалю («сітец»)).

³⁵ В оригинале – «спідницю («юбка»)).

³⁶ В оригинале – «панчохи («чулкі»)).

³⁷ В оригинале – «сеткою» себто сіткою».

³⁸ Сирак (сиряк) – украинская народная мужская или женская верхняя одежда с длинным рукавом и высоким стоячим воротником, носившаяся поверх рубашки.

На руках носят рукавицы, вязанные из шерсти – летом для защиты рук от москитов и комаров, а зимой для защиты от холода; в очень сильные морозы поверх шерстяных рукавиц они надевают еще одни рукавицы, сделанные из кожуха, т[ак] н[азываемые] «верхówki».

«Чолдоны» живут в деревянных хатах («хата», «изба́», «дом»), построенных из грубых сосновых или еловых круглых бревен. Обычно хата состоит из двух жилых помещений («изба́» и «гóрница») и сеней; у более богатых крестьян в хате бывает по три и четыре комнаты, а у самых богатых бывают хаты, достроенные на этаж. Хаты высокие и просторные, окна средней величины, двери низкие с высокими порогами. Хата покрыта высокой крышей, сделанной из сосновых или еловых досок. Хата приведена в порядок и побелена только внутри; снаружи виднеются круглые голые бревна, которые на углах перекрещиваются и входят одно в другое. Черных изб нет, и на хатах всюду видны дымоходы. У входной двери, которая ведет в сени, обычно пристроено крыльцо с навесом. Скаты крыши, порожки и карнизы украшены орнаментами, вырезанными в досках.

В каждой «избе» есть большая «фрусская» печь, которая обогревает хату и в которой печется хлеб и варится пища. Рядом с этой большой печью находится обычная маленькая печка из железной жести, а иногда еще и английская кухонная. Вдоль стены стоят лавки, в углу стоит стол, а за столом висят на стене святые образа, в основном «богомазы»³⁹. Пол в хате чистый, потому что его каждую неделю моют и скоблят, и застилают полотняным или тряпичным половиком⁴⁰. Всегда и всюду блестит в хате большой, желтый, латунный самовар. В целом в хате достаточно чисто; несмотря на это, всюду в хатах полно клопов и тараканов – но только летом; зимой их не видно, несмотря на то, что печи топят очень сильно, и в хатах очень тепло даже в самые сильные морозы.

Перед хатой обычно находится передний двор, огороженный по периметру очень высоким забором от улицы и от соседей; этот передний двор называется «ограда». За «ограду» въезжают с улицы через ворота, а входят через калитку. В «ограде» находится амбар⁴¹, где хранят зерно⁴² и другое имущество, погреб⁴³, где хранят мясо, дичь и рыбу, и навес⁴⁴, где хранят лодки⁴⁵, санки и хозяйственные орудия. Сзади за домом находится задний двор, так называемый «скотский двор»; этот задний двор обнесен по периметру стенами высотой в дом, а вдоль этих

³⁹ «Богомаз» – плохо, неискусно выполненная икона.

⁴⁰ В оригинале – «хідником («половік»))».

⁴¹ В оригинале – «шпихлір («амбар»))».

⁴² В оригинале – «збіжжа (зерно)».

⁴³ В оригинале – «пивниця («погреб»))».

⁴⁴ В оригинале – «шопа («навес»))».

⁴⁵ В оригинале – «лодки (човни)».

стен стоят пристроенные стойла и хлева, в которых держат лошадей, коров, овец, свиней и собак; весь «скотский двор» накрыт сверху редко уложенной дранкой.

Немолотое зерно в снопах, солому и сено не держат рядом с хатой, а хранят в отдельных хозяйственных постройках, т[ак] н[азываемых] «ригах», построенных в поле далеко за селом.

Однако обычно рядом с хатой находится «баня»⁴⁶; маленькая постройка, в которой хозяин⁴⁷ и его семья парятся каждую субботу и перед каждым большим праздником; если же у какого-то хозяина хата стоит далеко от реки, то его «баня» стоит обычно не около хаты, но на берегу реки у воды. Каждый хозяин имеет свою собственную, отдельную «баню».

Хаты в селе построены очень плотно; «ограда» примыкает к «ограде», и ни между хатами, ни около них нет ни садов, ни огородов, ни цветников; также и деревьев в селе очень мало, или их и вовсе нет. А поскольку чолдонские хаты, снаружи небеленые, имеют темно-серую окраску, чолдонское село имеет сверху очень тоскливый вид. Единственное, что его оживляет, это пристань на реке, где летом вдоль берега стоят рядом большие и маленькие лодки и челны. У любого хозяина есть своя собственная лодка; у некоторых есть по две и по три лодки; у тех, что занимаются торговлей, есть большие купеческие лодки; кроме того, есть большие общественные лодки («карбазы») для перевоза скота.

«Чолдоны» занимаются охотой, рыболовством, выращиванием домашних животных и хлеборобством.

У каждого «чолдона» есть свое ружье⁴⁸, из которого он охотится на дикого зверя и дикую птицу – обычно с помощью собак. Больше всего они охотятся на белок⁴⁹ ради их меха; шкурки белок, так же как и мех с горностаев, соболей и лис (т[ак] н[азываемую] «пушнину»), они продают заезжим купцам, которые плывут на своих больших лодках вдоль по Ангаре. Лосей («сохатые») и оленей⁵⁰ добывают не только с помощью стрельбы («стреляное мясо»), но чаще всего таким образом: копают в лесу ямы, прикрытые ветвями, и время от времени проверяют, не упал ли в эту яму лось или олень; когда это происходит, обычно бывает так, что этот лось или олень умрет в этой яме от голода и от мороза. «Чолдоны» едят и такоедохлое мясо и называют его «сненное мясо», то есть мясо с животного, которое «заснуло».

У любого хозяина также есть снасти для рыбной ловли: сети, неводы, верши («морда»), удочки («уда»), переметы⁵¹ и т[ак] д[алее].

⁴⁶ В оригинале – «баня», себто парня».

⁴⁷ В оригинале – «господар («хазяїн»))».

⁴⁸ В оригинале – «стрі́лба («фужжю»))».

⁴⁹ В оригинале – «бі́лиці-попелиці («белкі»))».

⁵⁰ В оригинале – «рені́в («олені»))».

⁵¹ В оригинале – «перемети («перемйот»))».

Охота и рыболовство – как уже было сказано – для всех свободны и ничем не ограничены.

Из домашних животных «чолдоны» держат много лошадей и много собак и понемногу коров, овец, свиней, кошек и кур. Лошадьми пашут и боронуют, возят дерево из леса, воду из реки и другие грузы – а самое важное – ездят на лошадях, запряженных в сани, обычно «тройкой». У любого «чолдона» есть по меньшей мере одни сани и одна тройка лошадей. Чолдонские кони низкорослые, лохматые и очень умные. Чолдонские коровы тоже маленькие и тоже лохматые – настолько, что из коровьей шерсти плетут рукавицы и чулки; молока коровы дают мало. Овец держат только ради кожуха, ради шерсти и ради мяса, но их не доят.

Лошади, коровы и овцы пасутся все лето в лесу сами без надзора пастухов; как выгонят лошадей и овец с приходом лета на пастбище в лес, так они там пасутся вплоть до поздней осени; коровы же идут на пастбище и возвращаются с пастбища домой каждый день, но сами идут и сами возвращаются; на пастбище они идут вечером, когда уже москиты («мошка») перестают кусать, и пасутся в лесу сами всю ночь, а утром коровы сами возвращаются из леса домой, чтобы в стойле спрятаться от москитов, которые днем их сильно кусают и не дают им пастись.

Собак держат для охоты, а также ради шкуры, потому что из собачьих шкур «чолдоны» делают себе длинные кожухи, т[ак] н[азываемые] «дохи». Чолдонские собаки очень глупые и как домашние сторожа совсем непригодны.

В хлеборобстве придерживаются «чолдоны» стародавней системы трехпольного хояйства. Землю пашут деревянным плугом («сох́а») и боронуют деревянной бороной с деревянными колями. Сеют яровую пшеницу («пшеница»), яровую рожь («ярица»), ячмень и овес; все это сеют в конце мая или в начале июня, а собирают в первой половине сентября; весь хлеб доходит (дозревает) и удается очень хорошо. Потому что лето очень теплое – даже горячее – и растительность очень быстро развивается. Озимые не сеют совсем. Хлеб жнут серпами, вяжут в снопы и складывают в стога («суслоны»), а потом зимой свозят на санях в гумна, построенные далеко за селом в поле. В каждом таком гумне («рига») есть печь, которую топят дровами и на которой сушат снопы – и только что высушенные на печи снопы молотят цепями. Зерно мелют на муку в деревянных, водяных мельницах, которые сами себе строят. Кроме хлеба собирают картофель, который всегда перемерзает и имеет сладковатый привкус, капусту, которую они не умеют квасить, морковь, петрушку, редьку, лук, чеснок и огурцы, которые получаются очень хорошими, но которых не умеют квасить.

Главная еда у «чолдонов» – хлеб и чай («хлеб да чай»). Чай пьют три или четыре раза в сутки. Хлеб пекут «чолдонки» на квасу, из пше-

ничной муки грубого помола, в форме буханок («коврига») или в форме круглых бубликов («калач»). Хлеб всегда хорошо пропеченный и вкусный. Пекут также хлеб из ржаной муки грубого помола, но люди обычно его не едят, а только кормят им лошадей, коров, свиней и собак; из ржаного хлеба также делают прохладительный напиток, т[ак] н[азываемый] «хлебной квас», которого летом пьют достаточно много. Из пшеничной муки пекут еще разную праздничную выпечку, как «сочни», «шаньги», «оладьи», «блины». Наряду с хлебом, едят достаточно много рыбы и мяса. Рыбу едят или сырую, или соленую⁵², или мороженую, или сушеную, или вареную, или печеную в тесте («пирог с рыбой»). Из мяса больше всего едят дичь, главным образом мясо лося («сохатина») – или свежее, или мороженое, или соленое, которое обычно бывает нежным. Вообще они не умеют хорошо приправлять ни рыбы, ни мяса. Из коровьего молока делают сметану, сыр (свежий сыр называется «творог») и масло; масло делают обычно таким образом: горшок со сметаной ставят в горячую печь и так вытапливают масло со сметаной («русское» или «топленое масло»). Чолдоны не едят ни борща, ни квашеной капусты.

В поле собирают «чолдонки» также лен и коноплю, из которых прядут нитки, крутят веревки и ткут домашнее полотно; у каждой «хозяйки» есть своя кудель и свои кросна (ткацкий станок); нередко можно увидеть в чолдонской хате ручную швейную машинку.

Женщины «чолдонов» весьма трудолюбивые и работающие, потому что кроме обычных женских работ на них возлагаются и те хлеборобские работы, которые где-то относятся к мужчинам, как пахота, боронование, сеяние и даже молотьба зерна. Мужчины занимаются главным образом охотой и рыболовством, а также плотничеством, потому что «чолдоны» сами себе строят хаты и другие постройки, сами мастерят лодки, сани, кросна, хозяйственные орудия и домашнюю мебель. Любую другую работу, пусть даже самую тяжелую, мужчины стараются взвалить на плечи женщин. Когда, например, они плывут на лодке, то обычно заставляют девушек и женщин тянуть лодку веревкой («бечевой») и грести веслами, а мужчины и парни сидят себе удобно в лодке, сложив руки. В целом у «чолдонов» женщины весьма угнетены, порабощены и унижены. «Кобыла не конь, баба не человек» – гласит чолдонская поговорка. Если хозяин отдает дочь замуж, то не дает за нее никакого вена, выкупа или приданого, а наоборот, молодой («жених») должен за молодую («невесту») заплатить ее отцу немалую денежную сумму, так называемый «калым», и за эти деньги он будто покупает себе жену, которая таким образом становится его работницей и рабыней. Женщины исключены из наследования, так что не имеют никакого

⁵² В оригинале – «насолювану («сальонная рыба»)).

права на наследство после своих родственников и свояков; если хозяин умрет, то его дочери не получают ничего из его наследства, потому что все хозяйство переходит к его сыновьям, а если хозяин не оставил ни одного сына, только одних дочерей или только одну дочь, то и тогда дочь не получит ничего из наследства, потому что все хозяйство переходит к братьям или сыновьям братьев или другим своякам-мужчинам умершего хозяина. Это относится главным образом к «ограде» с хатой и другими постройками и к посевной земле.

Посевную землю, то есть пахотные поля и сенокосы, любой хозяин присваивает, обрабатывает и использует сам для себя отдельно, индивидуально. Однако собственность посевной земли бывает двух видов: «общественная» и «частная». Частную собственность хозяина составляют только те земли (поля и сенокосы), которые каждый хозяин обрабатывает себе путем вырубки и корчевания леса. Как уже было сказано, лес («тайга») – ничейный, он никому не принадлежит, и каждый может безо всякого ограничения его рубить и корчевать; но если кто-то кусок леса вырубит, выкорчует, вычистит и обработает и таким образом своим трудом преобразует его в посевную землю, такой оторванный от «тайги» кусок посевной земли принадлежит ему как его частная собственность; такую частную землю он имеет право продать, обменять или подарить кому сам захочет безо всякого ограничения. Вся прочая посевная земля, то есть все прочие пахотные поля и сенокосы, составляют общинную («общественную») землю, которой община («общество») по возможности поровну и по справедливости наделяет всех своих членов, то есть всех хозяев (женатых мужчин), принадлежащих к общине. Любой хозяин присваивает и использует отведенные ему куски общинной земли сам для себя индивидуально, однако в вопросе способа обработки этой земли он должен подчиняться решениям «сходки», то есть общинного собрания; само собой разумеется, что эту общинную, наделную землю хозяин не имеет права ни дарить, ни продавать, только должен оставить ее в наследство своим сыновьям, а если не имеет сыновей, то своим племянникам, а если и их не имеет, то наделная земля возвращается «обществу», общине, которая наделяет ей наиболее нуждающихся членов общины или новых членов общины.

От присвоенной земли и от занимаемых домов платят их хозяева небольшой земельный и домовый государственный налог в казну и дополнение на общинные нужды в волость; эти налоги собирает волостной старшина. Никаких других непосредственных (прямых) налогов «чолдоны» не платят, однако они обременены довольно тяжелой повинностью давать подводы⁵³, то есть перевозить летом на лодках, а зимой на саних разных государственных и волостных чиновников и слу-

⁵³ В оригинале – «підводи («подводи»)).

жащих, почтовых и других посланцев, а главным образом всех ссыльных⁵⁴ в их путешествии на место ссылки. За все это «чолдоны» в «Приангарском крае» освобождены от военной повинности, так что никто из них не обязан служить в армии и фактически даже во время этой великой мировой войны никто из них в армии не служил и войны не видел.

Общинный⁵⁵ совет и старшина («волостная старшина») есть только в «волости», то есть в округе, который охватывает десять с лишним, а то и больше, сел и деревень; однако в отдельных селах и деревнях нет ни общинного совета, ни общинного старшины. Правда, в каждом селе, да и в каждой деревне, есть свой «староста» (что-то наподобие войта в Галиции), «заместитель старосты» (что-то наподобие заместителя войта), «сотский» (что-то наподобие присяжного) и «десятский» (что-то наподобие общинного полицейского), но их община не выбирает, только назначает по очереди, и они не имеют никакой власти, а лишь являются «общественными служаками»⁵⁶, выполняющими постановления общины. Всеми общинными делами распоряжается сама община («общество») на общинном собрании, которое называется «общественная сходка» или вкратце «сходка». Эта общинная «сходка» собирается плюс-минус раз в неделю, иногда реже, иногда чаще – по необходимости. В «сходке» принимают участие только самостоятельные хозяева, то есть главы семейства мужского пола; все женщины безусловно отстранены от сходки; если главы семейства («хозяина») нет дома, его может заместить самый старший из женатых сыновей. На «сходке» решаются разные общинные вопросы: административные, церковные, школьные, дорожные, хозяйственные (как определение способа обработки земель, сохранение «поскотины», то есть плетней, огораживающих засеянные земли от пастбища, заведование общественным амбаром, совместная ловля «красной» рыбы, совместная охота на медведя, тушение лесных пожаров и т[ак] д[алее]), и споры (процессы) между членами общины, как гражданские, так и уголовные, если те не относятся к компетенции волостного суда или более высокой инстанции. На «сходке» нет ни президиума, ни голосования, ни вообще каких-либо общепринятых парламентских форм, а решением общины («приговор общества») считается только то, на что все члены «сходки» единогласно согласятся.

Только в больших чолдонских селах есть церковь и школа, священник («батюшка») и учитель; в таких селах среди крестьян часто встречаются письменные люди («грамотеи»), и обычаи и нравы бывают у них более культурные; в таких селах обычно бывают кредитные, торго-

⁵⁴ В оригинале – «засланців («сильных»)).

⁵⁵ Слова «громада», «громадський» в тексте переводятся как «община», «общинный».

⁵⁶ В оригинале – «громадськими слугами («общественные служаки»)).

вые и потребительские объединения («потребилковки»), основанные по кооперативному принципу. Однако по большей части в чолдонском селе или в деревне нет ни кооператива, ни школы, ни церкви, только разве что звонница («часовня»), построенная у кладбища. В такое село приезжает раз в год «батюшка», который живет за сто, а то и за двести верст оттуда, и тогда одним махом покропит могилки всех покойников, повенчает все еще невенчанные молодые пары и окрестит всех новорожденных, еще не крещеных, детей. В таком селе обычно нельзя встретить какого-то письменного, грамотного человека, а все крестьяне – сплошь неграмотны.

Все «чолдоны» исповедуют православную веру. С виду они очень религиозны: справляют очень многие праздники⁵⁷, даже такие, которые в европейской России не празднуют, как например, святого Иннокентия; постятся очень много и очень стойко – и при любой возможности осеняют себя крестным знамением: входят ли в хату или выходят, садятся ли за стол или встают из-за стола – всегда крестятся. Однако их религиозность очень поверхностна: лишь очень немногие «чолдоны» знают «Отче наш». При этом они очень суеверны; больше, чем своим «батюшкам», они верят всяким предсказателям и «шаманам». Они свято верят в разных водяных и лесных духов, в разные колдовства и заговоры.

Если в село придет массовое заболевание людей или скота (эпидемия или эпизоотия), то в качестве единственного и самого верного лекарства «чолдоны» применяют т[ак] н[азываемый] «деревянный огонь»⁵⁸. Поздним вечером по оба конца села кладут «костры» (груды) сухих дров и поджигают их «деревянным огнем», то есть огнем, добытым таким образом: трут две сухие дощечки одну о другую длинно и сильно, вплоть до того, пока их не охватит огонь. Одновременно дают знать в село, что, наконец, удалось добыть «деревянный огонь», и тогда во всех хатах гасят огни в печах, гасят свет ламп, свечек и лучин, даже гасят зажженные трубки и папироски. Из каждой хаты посылают за село за «деревянным огнем», и этим принесенным из костра огнем заново поджигают в печах, заново зажигают лампы и свечки и закуривают трубки и папироски. С этого момента на протяжении трех суток никому в селе нельзя добывать огонь ни спичками, ни огнивом, одним словом, нельзя использовать другого огня, кроме «деревяного». Даже если кто-то чужой в село приедет или через село будет переезжать, нельзя будет ему пользоваться другим огнем, кроме «деревяного». «Чолдоны» свято убеждены, что «деревянный огонь» безусловно помогает от любого массового заболевания; если же заболевание, несмотря на это, не прекращается, то это знак, что кто-то пренебрег «деревянным ог-

⁵⁷ В оригинале – «свята («празнікі»)).

⁵⁸ В оригинале – «деревляний огонь («деревляний агонь»)).

нем», значит, кто-то в селе, несмотря на запрет, воспользовался спичкой или огнивом – и тогда надо заново добывать «деревянный огонь».

«Чолдоны» не празднуют ни святого вечера перед Рождеством, ни щедрого вечера перед Крещением (Иорданом), не поют ни колядок, ни щедровок, не ходят с колядой. Зато в масленицу⁵⁹ ходят по хатам – хата за хатой – так называемые «нарядчики», то есть парни, переодетые в девушек, и девушки, переодетые в парней, и, придя в хату, танцуют и устраивают всякие шутки и комедии, и за это хозяин или хозяйка одабривают их хлебом. В конце масленицы «чолдоны» устраивают гонки на санях: запрягают лошадей в сани, одеваются по-праздничному, садятся на сани и ездят на санях по селу и за селом и гоняются друг с другом наперегонки. Весной, когда уже березы распускаются и покрываются листвою, устраивают девушки девичий праздник, который называется «семик»; со всего села собираются девушки, одетые по-праздничному, на площади, приносят с собой разную еду и закуски, заставляют ими стол и, сев вокруг стола, угощаются под открытым небом, а между собой сажают за стол на стул молодую березку, облаченную в девичью одежду; затем все девушки (и только девушки) садятся верхом на лошадей и ездят по всему селу и за селом, гоняясь друг с другом наперегонки. По воскресеньям и праздникам – как летом, так и зимою, но только в хорошую погоду – собираются парни и девушки на площади или на широкой улице и устраивают дружеские развлечения или танцы; танцуют под звуки «балалайки» или «гармошки» (гармонии). «Чолдоны» в целом очень немусыкальные и не певучие.

Поют они мало, да и то лишь короткие песенки любовного или шуточного содержания, что-то наподобие наших «коломыек»⁶⁰. Одну такую песенку я запомнил и тут ее привожу, сохраняя точно «чолдонский» говор:

По гольтявскому посаду
торная дарошка,
антересно пасматреть
з ізбы у акошка:

Мой миленок-виноград
йдет па улице, играт;
шапочка, тужурочка,
хорошая фигурочка⁶¹.

⁵⁹ В оригинале – «мясниця («масляница»)).

⁶⁰ Коломыйки («коломыйка») – танцевальные песенки, характерные для Западной Украины (название происходит от города Коломыя современной Ивано-Франковской области).

⁶¹ В оригинале Охримович передает песенку так: «По гольтявському посаду // торная дарошка, // антересно пасматреть // з ізби у акошка: // Мой мільнонок-віноград //

На характер «чолдоны» жадные и алчные, падкие на деньги и материальные выгоды. Половая моральность у них находится на очень низком уровне; верные жены и мужья у них встречаются очень редко, еще реже честные парни и уж совсем редко честные девушки.

С чужими и посторонними людьми «чолдоны» ведут себя дружелюбно и приветливо, как со своими, и никогда не высмеивают их и не передразнивают – возможно, потому, что еще с незапамятных времен (еще с XVIII в.) Приангарский край был местом ссылки обычных и политических ссыльных, и поэтому «чолдоны» уже с малых лет привыкли к чужим людям.

Литература

- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
- Гольберг М.Я. [Рецензия на:] В.А. Маланчук. Етнографічна діяльність В.Ю. Охримовича. К., 1972 // Советская этнография. 1973. № 6. С. 173.
- Д-р Володимир Охримович (некролог) // Діло. 8 листопаду 1931. Ч. 252. С. 1.
- Маланчук В.А. Етнографічна діяльність В.Ю. Охримовича. К.: Наукова думка, 1972.
- Малицька К. Твори. Чернівці: Букрек, 2011.
- Охримович В. Зі Львова на Ангари (Спомини) // Ілюстрований календар товариства «Просвіта» на переступний рік 1920. Львів, 1919.
- Світлій пам'яті пок. д-ра В. Охримовича // Діло. 22 грудня 1931. Ч. 286. С. 3.
- Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
- Трильовський К. З мого життя. Київ; Едмонтон; Торонто: Видавництво Канадського інституту Українських Студій, 1999.
- Центральний державний історичний архів України, м. Львів (ЦДІАУЛ). Ф. 372. Оп. 1. Спр. 22. Листи Охримовича Володимира до дружини.

Перевод с украинского Д.С. Парфирьева

Статья поступила в редакцию 9 июня 2019 г.

Parfiryev Dmitry S.

VOLODYMYR OKHRYMOVYCH AND THE ROAD TO SIBERIA

DOI: 10.17223/2312461X/27/9

Abstract. The readers are invited to familiarize themselves with the article by Volodymyr Okhrymovych, entitled ‘The Angara region and its inhabitants: The Tungus and the Chaldon people’ (1920) and offered here in Russian translation. In the article, the Ukrainian politician and researcher, who was in administrative exile in Eastern Siberia from 1915 to 1917, describes the flora and fauna around him, as well as the economy, life and traditions of the Evens (‘Tungus’) and of the descendants of the first Russian settlers (‘Chaldons’).

йдьот па улице, іграє; // шапочка, тужурочка, // хорошая фігурочка». Далее Охримович поясняет: «В переводе это значит: По селу Гольтявину (ведет) торная дорожка, интересно посмотреть из хаты в окошко: мой миленький-виноград идет по улице и играет, (на нем) шапочка и тужурочка, (и у самого) хорошая фигура».

The translator's preface expands on the author's road to Siberia and the conditions of his stay there. Also provided are comments on some distinctive features of the language Okhrymovych used, as well as on the details of translation.

Keywords: peoples of Siberia, Evenks, Chaldons, memoirs

References

- Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.)* [The Evenks. Essays on history and ethnography, the 18th century to the early 20th century]. Leningrad: Nauka, 1969.
- Gol'berg M. Y. [Review of V.A. Malanchuk. *Etnografichna diyalnist' V.Y. Ochrymovycha*] V.A. Malanchuk. *Etnografichna diyalnist' V.Y. Ochrymovycha*. Kyiv, 1972, *Sovetskaya entografiya*, 1973, no. 6, pp. 173.
- D-r Volodymyr Ochrymovych (nekroloh) [Volodymyr Okhrymovych (obituary)], *Dilo*. 8 lystopadu 1931, no. 252, pp. 1.
- Malanchuk V.A. *Etnografichna diyalnist' V.Y. Ochrymovycha* [Ethnographic work of Volodymyr Okhrymovych]. Kyiv, 1972.
- Malyts'ka K. *Tvory* [Writings]. Chernivtsi, 2011.
- Ochrymovich V. Zi L'vova na Anharu (Spomyny) [From Lvov to Angara (memoirs)], *Ilyustrovanyj kalendar tovarystva «Prosvita» na perestupnyj rik 1920*. L'viv, 1919.
- Svitlij pamyati pok. d-ra V. Ochrymovycha [To the memory of Volodymyr Okhrymovych], *Dilo*. 22 hrudnia 1931, no. 286, pp. 3.
- Sirina A.A. *Evenki i eveny v sovremennom mire: camocoznanie, prirodoopol'zovanie, mirovozzrenie* [The Evenks and the Evens today: self-identification, natural resource use, and worldview]. Moscow, 2012.
- Tryl'ovs'kyj K. *Z mogo zhyttia* [From my life]. Kyiv – Edmonton – Toronto, 1999.
- Tsentral'nyj derzhavnyj istorychnyj arkhiv Ukrainy, m. Lviv (TsDIAUL) [The Central State Historical Archive of Ukraine, Lviv]. F. 372, Op. 1, C. 22.